

«НАМ НУЖЕН ИННОВАЦИОННЫЙ КОДЕКС»

ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА ФИЗИОЛОГИИ ИМ. ПАВЛОВА РАН, РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА ТРАНСКРАНИАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРОСТИМУЛЯЦИИ АЛЕКСАНДР МАЛЫГИН В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВG АГАТЕ МАРИНИНОЙ РАССКАЗАЛ О ТОМ, ПОЧЕМУ РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК НЕ ПРИВЕЛА К БОЛЕЕ АКТИВНОМУ ВНЕДРЕНИЮ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК В ПРАКТИКУ И КАКОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАУКУ СЕГОДНЯ ОКАЗЫВАЮТ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ.

BUSINESS GUIDE: Почти год назад стартовали структурные преобразования сети институтов Федерального агентства научных организаций, продолжается реформа РАН. Каковы на сегодняшний день итоги всего этого процесса для научных организаций?

АЛЕКСАНДР МАЛЫГИН: На мой взгляд, реформа РАН в целом не слишком позитивно сказалась на научной отрасли. Новаций внесено много, но их картина мозаична, часто отсутствуют связи между элементами системы. И я пока не вижу предпосылок для прорывных изменений, хотя всей душой болею именно за это.

Безусловно, реформа была необходима, но, на мой скромный взгляд, не совсем в таком виде. Ее идеология предполагала разделение имущественных прав и научного процесса. В результате все, по сути, слили в одно. Я имею в виду ФАНО (Федеральное агентство научных организаций России. — **BG**). И сейчас, это мое личное мнение, стало понятно, что агентство не справляется с взятыми на себя функциями и обязательствами. ФАНО должно выполнять функции заказчика, то есть формировать государственное задание и осуществлять приемку результата. Но оно ни в коем случае не должно напрямую давать это задание, а также получать и оценивать научные результаты институтов. Это должна делать исключительно Академия наук. Сейчас это не так. И в итоге я, как руководитель научного подразделения, должен писать в два раза больше бумаг и отчитываться в два раза чаще. Потому что у новой структуры нет и не может быть соответствующей компетенции экспертов. Роль ФАНО мне видится в качестве организации, управляющей государственным имуществом, развивающей материальную базу науки, но не в качестве нового начальника над каждым директором института.

BG: В связи с этим как вы оцениваете исполнение так называемых «майских указов», которые предполагали дополнительное финансирование науки?

А. М.: В «майских указах» президента говорилось о необходимости повысить оплату работы научных сотрудников до уровня двух средних заработных плат по региону. Поскольку за этим следят федеральные власти, на это были выделены средства. И они действительно поступают. Однако в 2014 году в Трудовой кодекс были внесены поправки, появилось новое понятие — «научный работник». Это те, кто непосредственно производят научный продукт, и их руководители. В «майских указах» же говорилось о повышении заработной платы для научных сотрудников. Это изменение в Трудовом кодексе не было учтено ФАНО при распределении средств. В ито-

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВСКИЙ

ге сейчас во всех научных институтах возникает путаница, связанная с понятиями «научный сотрудник» и «научный работник». Получается, что формально «майские указы» распространяются только на научных сотрудников, то есть на первичное звено. А вот заведующий лабораторией — это же ведущий ученый! — на дополнительные выплаты уже рассчитывать не может. Такой формальный подход фактически извращает суть «майских указов», так как лучшие получают меньше.

BG: Как исправить ситуацию?

А. М.: Пишутся письма, проводятся митинги. Но делать, по-моему, нужно совершенно не это. Необходимо разработать и предложить Госдуме внести поправки в закон об учреждении ФАНО. А затем добиться от ФАНО выполнять требования законодательства. Раз уж введено новое понятие в Трудовом кодексе, значит, и выделение средств должно ему соответствовать. Нет смысла жаловаться в высокие инстанции, можно просто в договоры между научными институтами и ФАНО вписать одно понятие — «научные работники». То есть привести эти соглашения в соответствие с законодательством.

BG: Но все же произошли ли какие-то изменения в возможностях для внедрения научных разработок в производство?

А. М.: По сути, изменилось и много, и почти ничего. Появились новые формы, например, малые инновационные предприятия — МИПы, но у руководителей научных

учреждений нет понимания того, как это реально может им помочь. Вроде бы условия созданы, но нет системы, которая бы научила ими пользоваться. Никто не рассказывал директорам институтов, как новые возможности можно применить. Сами механизмы не созданы. Откуда советский ученый, который всю жизнь занимался чистой наукой, знает, какие возможности дает тот или иной новый закон? Для него часто предприниматель — кровопийца, враг. Над этим надо работать, должны быть курсы. Сейчас внебюджетное финансирование заключается только в написании грантов, но есть масса других возможностей, через которые можно было пополнить бюджет института. Именно в этом должно помогать ФАНО, а не только требовать отчеты.

BG: Вы имеете в виду такие организации как Российская венчурная компания, «Роснано», «Сколково»?

А. М.: Да. И целый перечень других. Их много. Но о них нужно хотя бы знать. Для этого в научных институтах должны быть специалисты. Конечно, хорошо, что данные институты развития были созданы, но они тоже не работают на полную мощность. Все выстроено по западным образцам, без учета нашей ментальности и опыта. Ты должен прийти, защитить свой проект на комиссии, выступить один против, скажем, тридцати экспертов, которые могут быть экспертами совсем не в твоей области, и многие в такой атмосфере про-

сто теряются. Обязательно нужно распределять роли в таких комиссиях, создавая две стороны — защитников проекта и его критиков.

Я был очень вдохновлен, когда появилось «Сколково». Но то, что стало происходить дальше, меня разочаровало. Главный критерий «Сколково» — сколько ты можешь продать своего продукта на условный Запад. Сейчас в «Сколково» заманивают научные организации, но здания пустуют. Как я как ученый могу оставить семью и коллектив и уехать туда работать?

Фондов много, которые должны развивать российскую науку. Но результат у них почти всегда один — успешные проекты постепенно уходят за рубеж. И наши ученые с удовольствием их туда везут. Жизнь многих заставляет. По сути, за наши российские деньги созданы новые каналы утечки мозгов.

BG: В этих условиях как удастся развивать малые предприятия? Удастся ли внедрять разработки?

А. М.: Центр транскраниальной электростимуляции, который я возглавляю, был основан в 1992 году как организация по продолжению исследований, проводимых в Институте физиологии им. И. П. Павлова РАН, и внедрению их в медицинскую практику.

До того как прийти в науку, я занимался именно внедрением научных разработок. Я хорошо знаю, как устроено производство, чем оно дышит. И весь этот опыт я перенес сюда, потом получил бизнес-образование. Думаю, это сыграло свою роль, и нам удалось выжить. Первые аппараты на основе собственных разработок мы выпустили в начале 1990-х. Сейчас они внедрены уже в пяти тысячах медицинских учреждений. Мы стали выпускать аппараты для домашнего использования. Надо сказать, что нам очень помогает правительство города. По городской программе закупок инновационной медицинской продукции наше оборудование уже семь лет поступает для нужд городских учреждений.

На самом деле, для внедрения инноваций не так много и надо. Нужны стартовые деньги и спрос, но контрактная система его формирования не особо предусматривает. Думаю, что нужен отдельный федеральный закон об инновационной политике или даже Инновационный кодекс, который бы четко регламентировал все процессы: создание инноваций, защиту интеллектуальной собственности, поставки инновационного оборудования, критерии инноваций, долю инновационного оборудования в государственных и муниципальных закупках, порядок введения и выведения его из оборота на рынке и многое другое. ■